

РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ I

Ежегодник «Русская германистика»

Сборник статей

**Русская германистика:
Ежегодник Российского
союза германистов. Том I**

«Языки Славянской Культуры»

2004

Сборник статей

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов.
Том I / Сборник статей — «Языки Славянской Культуры»,
2004 — (Ежегодник «Русская германистика»)

В настоящую книгу включены тексты докладов, прозвучавших на первой конференции Союза российских германистов «Русская германистика в прошлом и настоящем: имена и проблемы». Участники конференции и авторы настоящей книги видели свою задачу в том, чтобы дать обзор истории отечественной германистики, оценить ее крупнейшие достижения и имена, получившие мировое признание, и представить задачи российской германистики в настоящем и будущем. Издание задумано как ежегодник, включающий материалы конференций, научные статьи и рецензии на новые книги ученых-германистов, вышедшие в разных городах России.

© Сборник статей, 2004

© Языки Славянской Культуры, 2004

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ	5
ДОКЛАДЫ, ПРОЧИТАННЫЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ	7
А. И. ЖЕРЕБИН (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)	7
ДИРК КЕМПЕР (МГУ, Москва) ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖНА НАУЧНАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНИСТИКИ?	20
I	21
II	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сборник Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Том 1 ОТ РЕДАКЦИИ

В ноябре 2003 года усилиями германистов Москвы и Санкт-Петербурга при любезной помощи Германской службы академических обменов DAAD был основан Союз российских германистов, литературоведческая секция которого объединила свыше 150 ученых и преподавателей высшей школы. В настоящую книгу включены тексты докладов, прозвучавших на первой конференции Союза «Русская германистика в прошлом и настоящем: имена и проблемы» в Российском государственном гуманитарном университете. Участники конференции и авторы настоящей книги видели свою задачу в том, чтобы дать обзор истории нашей науки, оценить ее крупнейшие достижения и крупнейшие имена, получившие мировое признание, а также поставить проблемы советского и русского литературоведения. Существенной была потребность осознать себя, представить задачи российской германистики в настоящем и будущем.

Настоящее издание задумано как ежегодная серия, включающая материалы конференций, научные статьи и рецензии на новые книги ученых-германистов, вышедшие в разных городах России.

Мы плохо знаем друг друга. Регулярные встречи на конференциях и издание представленных докладов должны помочь знакомству и объединению наших творческих сил.

DGV

Deutscher germanistenverband

Gesellschaft für Hochschulgermanistik

Der 1. Vorsitzende

Prof. Dr. Dr. h. c. Konrad Ehlich

Ludwig-Maximilians-Universität München

Institut für Deutsch als Fremdsprache /

Transnationale Germanistik Ludwigstr. 27, D-80539 München

Tel: 089/2180-2117, Fax: -3999

E-Mail: buerro@germanistenverband.de

Internet: www.germanistenverband.de

München, 20.07.04

**GRÜßWORT DES VORSITZENDEN DES DEUTSCHEN
GERMANISTENVERBANDES, PROF. DR. DR. H. C. KONRAD EHLICH,
ZUM GRÜNDUNGSKONGRESS DES RUSSISCHEN GERMANISTENVERBANDES
(RGV)**

Vom 27. bis 29. November 2003 hat sich der Russische Germanistenverband in Moskau konstituiert. Dies ist ein Ereignis, das weit aus der alltäglichen Arbeit unserer Disziplin herausragt. Die Befassung mit der deutschen Sprache, der deutschen Literatur, der deutschen Kultur hat in Rußland eine lange, weit zurückreichende Tradition. Wissenschaftler und Wissenschaftlerinnen sind wichtige Vermittler in einem Austauschprozeß, der für die europäische Situation in besonderer Weise charakteristisch ist.

Es ist mir eine besondere Freude und Ehre, dem neugegründeten Russischen Germanistenverband die herzlichen Grüsse und Glückwünsche des Deutschen Germanistenverbandes zu übermitteln. Die gemeinsame Arbeit in Europa, zugleich die traditionelle Ausstrahlung der russischen Germanistik in weite Teile Asiens hinein bedeuten für die Zukunft einer durch immer intensivere Kontakte geprägten Welt wichtige Konkretisierungen, von denen wir alle hoffen, daß sie Bausteine für eine friedlichere Zukunft und ein glücklicheres Zusammenleben herstellen, als das 20. Jahrhundert sie gesehen hat.

Kulturvermittlung allein wird in der Lage sein, den Reichtum der Welt zu entfalten und all jenen Versuchen zu widerstehen, durch Rückfall in nationalistische oder gar chauvinistische Begrenzungen gegen Verständigung zu arbeiten. Kulturvermittlung ist ohne Vermittlung von Sprache nicht vorstellbar. Eine «Globalisierung», die in einer allgemeinen Nivellierung und sprachlichen Verarmung ihr einziges, weil kostengünstiges, Mittel sieht, verfehlt die anstehenden Aufgaben.

Die Vermittlung der Sprache ermöglicht und vertieft den Zugang zur Literatur. Gerade die russische und die deutsche Literatur stehen in vielfältigen Austauschverhältnissen. Diese gilt es zu pflegen und weiter-zuentwickeln.

Das Interesse am Deutschen als Fremdsprache in Rußland wird leider nicht durch ein auch nur annähernd vergleichbares Interesse an der russischen Sprache in Deutschland erwidert. Austausch bedeutet immer Reziprozität. Die Wissenschaften, die sich mit beiden Sprachen befassen, werden durch ihre Arbeit auch dazu beitragen können, daß diese Wechselseitigkeit starker wird.

Für eine kulturvermittelnde Befassung mit anderen Ländern und Ländergruppen ist ein gemeinsames, auf Multilingualität abzielendes und sie realisierendes Programm nicht nur die beste Voraussetzung, sondern zugleich auch das effizienteste Mittel. Europa steht vor der Herausforderung, ein solches Programm zu entwickeln und umzusetzen. Es bietet für die Arbeit unserer beiden Verbände einen Rahmen, innerhalb dessen eine Zukunftsperspektive wissenschaftlicher Arbeit besteht, von der wir alle, unsere Länder, ihre Bürger und Bürgerinnen und ihre politischen Repräsentanten, zunehmend überzeugen können.

ДОКЛАДЫ, ПРОЧИТАННЫЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ

А. И. ЖЕРЕБИН (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) ТАЙНЫЙ КОД РУССКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ (к истории сравнительного метода)

Хорошо известно, что понятие «национальная литература» включает не только литературу художественную, но и словесность в широком смысле слова. Границы художественной литературы подвижны, исторически относительны. Постструктуралисты эти границы окончательно разрушили, растворив их в универсальности всеобъемлющего текста¹

При таком взгляде на вещи русские сочинения по литературе Германии – комментирующие метатексты – и сами должны рассматриваться как явления русской литературы; к ним также применимы критерии элитарности или массовости, академизма или авангардизма, понятие стиля.

Совокупность текстов о немецкой литературе—русский германистический дискурс – представляет собой разновидность одного из жанров самой русской литературы – жанра научной прозы, в котором «идея, как принцип изображения, сливается с формой».² Это относится не только к тем литературоведческим текстам, авторы которых тяготеют к образному мышлению и субъективному стилю, но и к текстам подчеркнуто академическим, демонстрирующим аскетизм мысли и стиля как своего рода минус-прием, обусловленный идейно и эстетически.

Русская литературоведческая проза как явление словесного искусства, насколько мне известно, никогда не исследовалась. Исключение, пожалуй, Бахтин. Между тем теоретические и историко-литературные сочинения Шкловского и Эйхенбаума, Жирмунского и Берковского также заслуживают изучения с точки зрения их литературной формы. Тогда выяснилось бы, что творчество каждого из них представляет собой такое же структурное единство, как и творчество каждого большого поэта. Оно пронизано цепочками лексико-семантических повторов и автореминисценций, связывающих работы разных периодов и жанров и доступных пониманию лишь при анализе их полного контекста.

Немецкая литература, о которой мы пишем, – такой же предмет изображения, как и любой другой, избранный поэтом или прозаиком. Если определить этот предмет максимально обобщенно, то он для всех думающих и пишущих по-русски – от Пушкина до аспиранта-первокурсника – один и тот же. Этот предмет изображения – текст русской культуры, но только германист, в силу специфики своего жанра, раскрывает этот предмет в специфическом преломлении, так, как он отражается в образе культуры немецкой. Подобно художественной литературе научная проза и, как часть ее германистический дискурс подчинены общим законам русского историко-литературного процесса, коренятся в культурно-исторических условиях своего времени.

¹ Хабермас Ю. Об устранении жанрового различия между философией и литературой // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 194–222.

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 138.

* * *

Вторая половина XIX в., когда зародилось русское академическое литературоведение, была, по определению Федора Степуна, «одной из наиболее блистательных эпох истории человечества». Обосновывая эту характеристику, Степун, в частности, писал: «Расцветшая наряду с естественнонаучными исследованиями, гуманитарная наука до бесконечности раздвинула историческую память европейского человечества и тысячами нитей связала культуру Европы со всеми другими культурами мира. Образованный и передовой европеец конца XIX века был не только французом, англичанином, русским или немцем, но культурнейшим гражданином вселенной, свободно двигавшимся по дворцам и храмам решительно всех культур и чувствовавший себя везде как дома».³

Одним из таких «культурнейших европейцев» был Ал. Ник. Веселовский. Воспитанник Московского университета, ученик Ф. И. Буслаева, он несколько лет провел за границей, изучая итальянское возрождение, а затем, в 1870 г., был назначен доцентом по кафедре всеобщей литературы, которая за несколько лет до этого была учреждена в Петербурге. Вступая в новую должность, Веселовский произнес речь «О методе и задачах истории литературы как науки» (1870).

История всеобщей литературы – калька с немецкого «allgemeine Literaturgeschichte» – осмысливается Веселовским как дисциплина, призванная изучать литературу в широком сравнительно-историческом плане путем сопоставления сходных фактов в различных национальных литературах. «Чем больше таких сравнений и совпадений и чем шире занимаемый ими район, тем прочнее выводы», – писал Веселовский.⁴ Повторяемость литературных фактов в аналогичных культурно-исторических условиях является для Веселовского тем критерием, который позволяет, отбросив все внешнее и случайное, выявить внутренние, общие для всех национальных вариантов закономерности историко-литературного процесса. С точки зрения Веселовского, изолированное изучение национальных литератур в их имманентном развитии ведет к искажению картины этого развития, так же, как и изолированное изучение внешних влияний, с которого начиналась тогда западная компаративистика. Только с того момента, когда история литературы становится всеобщей (=сравнительной), ее выводы приобретают, по убеждению Веселовского, научную достоверность, она начинает быть наукой – не меньше, чем, например, индоевропейское языкознание.

С этих притязаний, с Веселовского, начинается в России история сравнительного изучения литератур как академической дисциплины, история, в сущности, очень последовательная, которая вся состоит из дополнений и разработок того, что было намечено Веселовским в главах «Исторической поэтики».

С особой настойчивостью эту преемственность подчеркивал В. М. Жирмунский. В середине 30-х гг. Веселовский, с его идеей «встречных течений», дает Жирмунскому больше, чем Марр, и даже больше, чем Маркс. Может быть, тот и другой в известном смысле «портят дело», заставляя ученого иногда слишком обнажать телеологическую основу теории стадийного единства, на которую Веселовский опирался с позитивистской осторожностью.

Исходя из теории стадийного единства, Жирмунский отвергает беспринципную компаративистику бессистемных фактов. «С этой точки зрения, – говорит он в докладе 1935 г. („Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний“), – мы можем и должны сравнивать между собой аналогичные литературные явления, возникающие на оди-

³ Степун Ф. А. Портреты. СПб., 1999. С. 183–184.

⁴ Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 37.

наковых стадиях социально-исторического процесса, вне зависимости от наличия непосредственного взаимодействия между этими явлениями».⁵

Для Жирмунского историко-типологические связи важнее, чем связи контактные, «*litterature generale*» важнее, чем «*litterature comparee*».⁶ Что же касается влияний и заимствований, то они, как доказывает Жирмунский, могут быть, а могут и не быть. Но во всех случаях, когда они есть, они возникают не на пустом месте, а предполагают потребность в них со стороны воспринимающей литературы (т. е., например, русские поэты XIX в. начинают слышать голоса из Германии не раньше, чем в самой России созревают условия для появления романтизма). Влияние – это поиски дополнительной опоры, которую писатель ищет в опыте иноязычного современника или предшественника, чтобы подвергнуть его творческой переработке в соответствии с требованиями своего времени и своей среды. Практическим подтверждением этих убеждений стали в творчестве Жирмунского работы 1937 г. – статья «Пушкин и западные литературы» и, конечно, прежде всего монография «Гёте в русской литературе».

От Веселовского линия преемственности продолжается до Лотмана, у которого международное пространство всеобщей литературы исследуется под именем текста. Динамика этого текста, многоуровневого и сложно устроенного, обеспечивается, как показывает Лотман, его принципиальной неоднородностью, непрерывным диалогом образующих его субтекстов, в том числе национальных, из которых каждый также нуждается для своего развития в постоянном взаимодействии с субтекстом-партнером.

Конечно, Лотман опирается и на западную семиотику, и на формальную школу, и на созданную Бахтиным поэтику чужого слова, вызвавшую к жизни теорию интертекстуальности. Но «присутствие» (в смысле *presence*) Веселовского этим не отменяется. Так, в статье 1982 г. «Триединая модель культуры» Лотман писал: «Культурный универсум разделяется границей на внутреннее пространство (место расположения субъекта данной культуры) и внешнее, в котором находятся его потенциальные партнеры по культурному обмену. Первым результатом этого становится следующее: необходимым условием усвоения текста является то, чтобы культуре, этот текст порождающей... было предусмотрено структурное место в модели мира воспринимающего культурного субъекта».⁷

Нужна ли после этих слов, по всем признакам совершенно «лотмановских», ссылка на Веселовского? Лотман считает, что она нужна. Он отсылает читателя к тем страницам «Исторической поэтики», где говорится о «двойственности образовательных элементов», участвующих в развитии средневековой культуры от первобытного синкретизма к личному творчеству. Западная литература, настаивал Веселовский, возникла не из органической эволюции народнопоэтических основ, а в результате их скрещивания с латинскими литературными образцами, к усвоению которых имела «посылка в сознании, во внутренних требованиях духа»,⁸ – и Лотман на это место ссылается.

Опора на это наблюдение Веселовского ощутима у Лотмана и в его определении текста, являющегося вместе с тем и определением феномена культуры.⁹ Когда Лотман доказывает, что выход за пределы национального материала проясняет универсальный, работающий и внутри

⁵ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1936. № 3. С. 384.

⁶ См. сдержанные возражения Б. Г. Рейзова в его статье «Сравнительное изучение литературы» (Вопросы методологии литературоведения. М.: Л., 1966. С. 177).

⁷ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 205–206.

⁸ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 64.

⁹ «Таким образом, минимальной структурой текста будет наличие двух семиотически автономных субтекстовых образований и объединяющей их семиотической метаструктуры» (Там же. С. 203). Подробнее об этой концепции текста см.: Лотман Ю. М. Феномен культуры // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 463. (Труды по знаковым системам; 10). Тарту, 1978; Lotman J. M. The future for structural poetics // Poetics. 1979. № 8. P. 501–507.

национальной литературы механизм диалога разноречивых текстов, «своего» и «чужого»,¹⁰ он подтверждает на новом этапе развития науки и новыми средствами те претензии, которые выдвигал, говоря о всеобщей литературе, Веселовский – претензии всеобщей литературы на роль ведущей дисциплины литературоведческого цикла.

Но если в теории сравнительное литературоведение представало как «царский путь познания», то на практике оно неизменно выступало как дисциплина вспомогательная, боковая дорожка, на которую можно свернуть, а можно и не свернуть.

Как складывалось соотношение всеобщей или сравнительной литературы с западным циклом и, в частности, с германистикой в Петербурге?

По свидетельству ближайших сотрудников Веселовского, всеобщая литература, которой занималась его кафедра, была введена в университетское преподавание как дисциплина подсобная для литературы русской.¹¹ Во вступительной лекции 1873 г. Веселовский и сам говорил о том, что литературы Запада мыслятся в настоящее время как сопоставительный материал, который необходимо изучать и привлекать для углубленного понимания литературы русской.

Такой ход мысли – оправдание занятий иностранной литературой национальными интересами – возникает, как правило, в периоды идеологического усиления национальной культуры. В пореформенной России эпохи Веселовского это было не иначе, чем в бисмарковской Германии, где Макс Кох, начав в 1887 г. издавать «*Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte*», также оправдывал свое начинание необходимостью углубленного познания родной литературы.¹²

В русской культуре аналогичная ситуация вновь складывается после Второй мировой войны. Успех России на международной арене порождает высокую национальную самооценку, которая либо открыто препятствует восприятию чужого, как это доказала одиозная партийная кампания против космополитизма в советской науке, либо выражается в формах более цивилизованных и либеральных, напоминающих об аргументах XIX в.

Последнюю позицию, скрыто полемическую по отношению к официальной, занимал, например, Н. Я. Берковский. В 1946 г. он писал: «Полностью мы узнаем, что такое русская литература в ее своеобразии, лишь тогда, когда будет проведено во весь их рост сравнительное изучение мировых литератур и русской... Это высшее честолюбие и высшая задача для наших историков литературы, где бы ни лежали их специальные интересы, – изучением чужих литератур и изучением родной принести данные для познания того, что такое родная литература и что она значит в кругу и среде мировой словесности. Это труд долгий, и труд поколений».¹³ Берковский пользуется здесь теми же самыми аргументами, которыми оправдывал сравнительный метод Макс Кох и которые уже в 60-е гг. XIX в. способствовали созданию кафедры всеобщей литературы в Петербурге.

Но Веселовскому этого уже тогда казалось недостаточно.¹⁴ Не желая мириться с прикладным значением сравнительного метода, он в 1884 г. добивается учреждения на филологическом факультете особого отделения – Романо-германской филологии. Это был очень важный шаг: западноевропейская литература становится самостоятельной специальностью. На базе бывшей кафедры всеобщей литературы возникают две кафедры – романская и германская. Веселовский возглавляет все отделение и берет себе курсы, наиболее связанные с его

¹⁰ Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 111.

¹¹ Шишмарев В. Ф., Жирмунский В. М. Кафедры романо-германской филологии и западноевропейских литератур Ленинградского государственного университета: (К 75-летию романо-германской филологии в Университете) // Учен. зап. ЛГУ. 1940. № 58. С. 367–375.

¹² См. об этом: Konstantinovic Z. Vergleichende Literaturwissenschaft. Wien, 1976. S. 58.

¹³ Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л., 1975. С. 18.

¹⁴ Веселовский А. Н. Указ. соч. С. 33.

научными занятиями. Кафедру романской филологии возглавляет В. Ф. Шишмарев, а германской – Ф. А. Браун, первый русский профессор-германист.¹⁵

После Октябрьской революции Браун становится деканом филологического факультета, но в 1923 г. навсегда уезжает из России. С 1920 г. кафедра германской филологии переходит к Жирмунскому. Занятия ведутся по двум направлениям – английский язык и литература и немецкий язык и литература. Разделение языка и литературы происходит только в 1933 г., когда по инициативе Жирмунского и под его руководством создается кафедра истории западноевропейских литератур. Ближайшими его сотрудниками в области немецкой литературы остаются М. Л. Тронская и Б. Я. Гейман.

В ходе последующих административных преобразований сравнительные исследования все больше переходили в руки филологов-западников, но вопреки замыслу Веселовского так и остались дисциплиной подсобной, только теперь – для литератур западноевропейского цикла. Для большинства университетских германистов занятия сравнительным анализом – это и сегодня вторая, смежная, но не основная специальность. С 1956 г., когда М. П. Алексеев организовал в Пушкинском Доме сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур, это положение не изменилось, а, напротив, было закреплено институционально: германисты занимались германистикой в университете, а сравнительным литературоведением ходили заниматься в Пушкинский Дом, где «своих» германистов до Р. Ю. Данилевского как будто бы и не было. Показательно, что и в Пушкинском Доме первоначально, в 30-е гг. был создан не отдел взаимосвязей, а «Западный отдел», возглавлявшийся по совместительству Жирмунским. Блистательный «Западный сборник» 1937 г., этим отделом подготовленный, состоит из двух частей – часть I носит название «Западные литературы» и только часть II – «Литературные взаимоотношения Запада и России».¹⁶

На этом фоне бросается в глаза тот факт, что первые фундаментальные исследования русских германистов относятся именно к области сравнительного литературоведения или с нею соприкасаются. До середины XX в. «чистая германистика» – почти что исключение. Уже Ф. А. Браун, много писавший для энциклопедий и словарей, был известен как авторитетный ученый прежде всего своими трудами по взаимовлиянию древнегерманских и древнеславянских культур. М. Н. Розанов предпосылает своей книге о Ленце эпиграф из Лермонтова, подробно исследует русские связи немецкого поэта и публикует ряд его писем из рижских архивов.¹⁷ У Жирмунского среди его работ по немецкой литературе главное место несомненно занимает уже упоминавшаяся мной книга «Гёте в русской литературе», да и его поздняя работа о Гердере¹⁸ явно «обслуживает» теорию сравнительного литературоведения.

* * *

Важным событием в истории сравнительного литературоведения стала, как известно, конференция по взаимосвязям национальных литератур, состоявшаяся в Институте мировой литературы АН СССР в 1960 г. на фоне идеологической «оттепели».¹⁹ В теоретическом отно-

¹⁵ См.: Жеребин А. И. У истоков русской германистики (Профессор Федор Александрович Браун) // Немцы в России. СПб., 2001. С. 14–21.

¹⁶ Западный сборник / Под ред. В. М. Жирмунского. М.; Л., 1937.

¹⁷ Розанов М. Н. Поэт периода бурных стремлений Якоб Ленц. Его жизнь и произведения: Критическое исследование с приложением неизданных материалов. М., 1901. Позднейший пример столь же удачного включения русского опыта в общую картину творчества немецкого писателя дает вышедшая только по-немецки книга Ольги Смолян о Фридрихе Максимилиане Клингере (Smoljan O. Friedrich MaxhшЦап Klinger. Sein Leben und Werk. Weimar, 1962).

¹⁸ Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И. Г. Избранные сочинения / Сост. В. М. Жирмунский. М.; Л., 1959. С. V–LIX; Zirmunskij V. M. Johann Gottfried Herder. Hauptlinien seines Schaffens. Berlin, 1963.

¹⁹ Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961.

шении она дала не много; предлагалось множество разных классификаций – какие встречаются виды взаимодействия литератур, какие бывают формы влияний. Мне представляется, что это не так важно. Можно, конечно, разделить рецепцию на такие рубрики, как перевод, критическая оценка и творческое усвоение, но какой в этом смысл, если перевод сплошь и рядом оказывается формой творческой переработки, критическая статья – полноценной художественной прозой, а художественное произведение включает в себе критическую переоценку своих претекстов. Можно, конечно, провести границу между влиянием общественных идей, нравственной личности писателя, техники повествования и т. д., однако углубленный анализ такие границы, как правило, не подтверждает, а отменяет.

Значение дискуссии 1960 г. было не теоретическое, а практическое – в условиях идеологического диктата она санкционировала, дала «зеленый свет» широкому применению сравнительного метода, в том числе и в германистике.

Подавляющее большинство русских исследований по сравнительной литературе посвящено немецко-русским связям, т. е. восприятию немецкой литературы в России. Первое место по количеству посвященных им работ занимают в XVIII в. Гёте, а в XIX-м – Гейне, с большим отрывом за ними следуют Лессинг и Шиллер, Гофман и Новалис, в XX в. лидирует Рильке, а в последние годы еще, пожалуй, Кафка. Вместе с тем существует значительное количество научных статей, посвященных восприятию творчества писателей второго и третьего ряда.²⁰

Интерес к «маленьким» сюжетам – свидетельство зрелости научной мысли, за ним стоит понимание того, что научная ценность сравнительно-исторических исследований определяется не масштабом сопоставляемых явлений, а интенсивностью рецепции и характером влияния. Именно такой подход к отбору компаративистского материала нуждается, на мой взгляд, в более последовательном осмыслении. Следует со всей возможной точностью разграничивать случаи, когда проблема влияния может быть поставлена и когда она *д о л ж н а* быть поставлена. Поясню это примером.

В связи с изучением творчества Жан-Поля М. Л. Тронская написала статью «Жан-Поль Рихтер в России» (1937). Статья эта интересна и полезна тем, что проливает дополнительный свет в обе стороны – на Жан-Поля и на русских поэтов-любомудров. Однако в основных своих чертах творчество Жан-Поля вполне поддается пониманию и без учета его русской рецепции, и также анализ русской идеалистической «поэзии мысли» 1830-х гг. вполне может состояться без учета того не особенно значительного влияния, которое оказало на нее творчество этого немецкого писателя. Без Шиллера и Шеллинга обойтись, пожалуй, нельзя, а без Жан-Поля – можно. Л. Я. Гинзбург в книге «О лирике» прекрасно без него обходится. И сама М. Л. Тронская обходится без русской рецепции, когда позднее она подробнейшим образом анализирует романы Жан-Поля в своей книге «Немецкий сентиментально-юмористический роман эпохи Просвещения» (1962).

Жан-Полю посвящена последняя и самая большая глава этой книги. А глава первая целиком посвящена Стерну – и это в книге о немецком романе. Стерн в этой книге необходим, потому что весь немецкий роман данного типа – стернианский, и без Стерна, без анализа его влияния Жан-Поль непонятен, так же как, например, – чтобы взять любые произвольные русские примеры – Фет непонятен без Шопенгауэра, Блок без немецкого романтизма и Гейне, ранний Горький без Ницше. Мне думается, что, принимаясь за ту или иную тему, следует ясно отдавать себе отчет, какое значение имеет в данном случае сравнительно-исторический подход – периферийное, подсобное или же центральное, такое, что без анализа влияния нельзя обойтись. В последнем случае сравнительное литературоведение перестает быть обособленной

²⁰ См., например, «Библиографию работ Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур Пушкинского Дома (1958–1974)», составленную А. В. Лавровым (Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975. С. 249–264).

отраслью литературной науки, допустим германистики. Это не область со своим особым предметом, а один из методов исследования того же самого предмета – немецкой литературы.

Подобным же образом дело обстоит и в русско-немецких литературных связях, в вопросе о восприятии русской литературы в Германии. Невозможно, например, раскрыть тему «немецкий модернизм», если не ввести в анализ восприятие и влияние на немцев Достоевского, да и Толстого тоже, как это сделано было в свое время в книгах Т. Л. Мотылевой, Г. М. Фридлендера и продолжает делаться. Невозможно написать убедительную работу о немецком авангарде 20-х гг., не поставив вопрос о влиянии русской революции и русских художников.²¹ Для молодого Гауптмана непременно нужен Толстой, для Рильке – русский опыт. Но вполне возможно написать, скажем, об Альбрехте Галлере или о Шиллере, ни словом не упомянув о том, что у того и другого возникает в какой-то момент тема Сибири.²² Я меньше всего хочу сказать, что русский эпизод в романе Галлера «Узонг» неинтересен или неважен, но если бы Галлер не читал описание Сибири, сделанное учеными путешественниками, то на месте Сибири оказался бы у него какой-нибудь другой экзотический край и Галлер остался бы тем же Галлером. Дело не в том, что тема мелкая – мелких тем не бывает, – а в том, что она периферийна, что, обращаясь преимущественно к таким темам, мы не объясняем суть явления, а вносим в уже существующее объяснение дополнительные нюансы; и если такие темы преобладают, то и все сравнительное литературоведение должно остаться наукой периферийной, нюансирующей.

По словам Жирмунского, «русский Гёте есть проблема русского литературного и общественного развития»;²³ также и немецкий Достоевский есть проблема развития литературы и культуры немецкой. В этом смысле русско-немецкие литературные связи должны были бы интересовать германиста в первую очередь даже больше, чем связи немецко-русские.²⁴ Между тем в этом направлении русскими учеными сделано, кажется, меньше, чем в обратном; о русском влиянии на немцев активнее пишут, пожалуй, в самой Германии.

Программа концептуализации исследуемого во всех этих случаях материала не может исчерпываться ни доказательством факта рецепции или влияния, ни историко-литературной мотивировкой этого факта. Не менее важно установить характер сопровождающих рецепцию семантических преобразований и объяснить этот характер из условий воспринимающей среды, воспринимающего сознания. Когда этого не делается, исследование оставляет впечатление незавершенности.

Теоретическая модель взаимодействия литератур ясно выстроена в работах Лотмана. Согласно этой модели, восприятие иноязычного текста всегда сопровождается его переводом на семиотический язык воспринимающей культуры – «перекодировкой», «интериоризацией». Однако текст-двойник, возникающий в результате этого процесса, например русский Гёте или немецкий Достоевский, никогда не становится в пространстве воспринимающей культуры «своим» до конца и полностью, он должен оставаться отчасти и чужим. Только благодаря этому он служит импульсом для развития воспринявшей культуры – в качестве образца для подражания, союзника, способствующего оформлению зреющих в ее недрах тенденций, объекта критики, нужного для того, чтобы она могла по контрасту осознать свою специфику. Новые

²¹ См., например, «русский фон» в статье Н. С. Павловой о немецком конструктивизме (Павлова Н. С. Эстетика и поэтика немецкого конструктивизма // Контекст 1983. С. 88—112).

²² См., например: Зиннер Э. П. Сибирь в поэтическом творчестве Альбрехта Галлера // Русско-европейские литературные связи: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 270–275; Данилевский Р. Ю. Тема Сибири в предисловии Ф. Шиллера к «Антологии на 1782 год» // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 16–24.

²³ Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л., 1981. С. 14.

²⁴ Немецко-русские связи представляют наибольший интерес для германиста тогда, когда влияние идет не из прошлого в будущее, а как бы в обратном направлении. Достоевский после Ницше или Кафки уже не тот, что был до них, и при исследованиях такого типа влияний, где точкой отсчета является немецкий «наследник», ведущая роль также должна, очевидно, принадлежать германисту.

тексты, создаваемые с ориентацией на этого «своего-чужого», могут затем ретранслироваться в исходную культуру, которая воспринимает их, снова трансформируя, как долгожданное и внутренне необходимое ей «новое слово». Один из примеров Лотмана – это массовый импорт западноевропейских текстов русской культурой XVIII – начала XIX в. и обратная волна в эпоху Достоевского, Толстого и Чехова, когда «Европа без России становится провинцией».²⁵ «Изучение подобных циклов таит значительно больший историко-литературный интерес, чем изучение отдельных, разрозненных фактов заимствований», – замечает в связи с этим Лотман,²⁶ и с этим замечанием трудно не согласиться.

Специальной разработки заслуживают, далее, так называемые контекстные связи – модифицированная форма бесконтактных историко-типологических конвергенций, характерная для Нового и Новейшего времени, в особенности для провозглашенной Гёте «эпохи всемирной литературы». «Влияние, – писал Б. М. Эйхенбаум, – случай, когда устанавливается прямое пользование тем или другим источником. Но за пределами этого источника, побывавшего в руках автора, стоит литература эпохи, которая присутствует в его сознании как общий контекст – как литература, создаваемая эпохой. Определение прямого источника (влияния) получает историко-литературный смысл, когда этот источник возведен к соответствующему контексту».²⁷ Очевидно, что возведение двух или более разноязычных литературных явлений к их общему контексту может служить принципом сопоставления этих явлений также и вне их прямого контакта.

В качестве связного и связующего контекста может выступать любой интернациональный корпус текстов, поддающийся анализу по какому-либо признаку: ментальному (настроение «мировой скорби»), жанровому («новая драма», лирическая драма, *Kunstlerroman* и т. д.), идейному (революционная поэзия, католическая поэзия, поэзия, ориентированная на «философию жизни» и т. п.), тематическому (тексты о тайне, тексты о смерти, тексты о языке, тексты о Венеции и т. д.) или формальному (свободные ритмы, открытый финал, повествовательная перспектива и т. д.).²⁸

Интересной и недостаточно изученной формой контекстных связей являются также черты сходства, возникающие во всех европейских литературах на основе одновременного обращения к предшествующим культурным эпохам и стилям, которые ощущаются и актуализируются как родственные и служат общим резервуаром мотивов, сюжетов, поэтических образов.²⁹

²⁵ Берковский Н. Я. Указ. соч. С. 135.

²⁶ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С. 207. Недостаточность «филологии единичных заимствований» начинает все яснее осознаваться и в немецкой славистике. См.: Deppermann M. Experiment der Freiheit. Russische Moderne im europäischen Vergleich: Thesen zu einem Projekt // Newsletter Moderne. 2001. 4. Hf. 2. S. 14–17; Idem. Dostojewskij als Portalfigur der Moderne im Rahmen der ästhetischen Moderne als Makroepoche // Dostoevsky Studies. New Series. Vol. 7. 2003. P. 7–40.

²⁷ Эйхенбаум Б. М. Толстой и Поль де Кок // Западный сборник. Л., 1937. С. 293.

²⁸ Так, на рубеже XIX–XX вв. получает интернациональное распространение «новая драма», признаки которой обнаруживаются в произведениях Ибсена, Толстого, Шоу, Чехова, Гауптмана, Ведекинда, Шницлера; получает распространение и интерферирующая с нею драма лирическая, представленная в творчестве Малларме, Метерлинка, Уайльда, Гофманшталя, Блока. Хотя Шницлер восхищался Чеховым, а Блок знал некоторые вещи Гофманшталя, близкие композиционные и стилистические решения подсказаны в этом случае не прямым влиянием, а диктуются требованиями жанра, в создании которого участвовали многие авторы. Для Блока, например, неизмеримо важнее, чем Гофманшаль, был Метерлинк, и Метерлинк же служил образцом для Гофманшталя, который о Блоке не слышал вообще ничего, – тем не менее лирические драмы Блока и Гофманшталя обнаруживают значительное сходство и подлежат сравнительному изучению. (См., например: Федоров А. В. Театр Блока и драматургия его времени. Л., 1972; Михайлов А. В. Гоголь в своей литературной эпохе // Михайлов А. В. Обратный перевод. М., 2000. С. 311–352.)

²⁹ Можно ли сравнивать, скажем, третьестепенного немецкого поэта 1900-х гг. Карла Буссе и Михаила Кузмина? Они едва ли что-нибудь знали друг о друге. Но и тот и другой увлекались топикой рококо, и тот и другой знали, конечно и «Fetes galantes» Верлена, и интерпретации искусства Ватто Гонкурами и Уолтером Пейтером, и рокайльные мотивы у Готье, Суинберна, Стефана Георге. Здесь нет бинарных связей и нет определенного индивидуального влияния – влияет целый контекст, все элементы которого более или менее равнозначны и связаны общим для эпохи отношением к XVIII веку. Исходя из этого, можно было бы написать работу «Кузмин и Буссе», как Эйхенбаум написал статью о Толстом и Поль де Коке.

Поэты не обязательно должны воспринимать друг друга; для сравнительного анализа достаточно, если они воспринимают – каждый по-своему – одно и то же. Сколько раз Рильке упомянул имя Блока, кто и когда рассказывал Блоку о Рильке – выяснить все это очень важно, но это важно только потому, что Рильке и Блок, один на другого ни в малейшей степени не повлиявшие, связаны, тем не менее, общим идейно-художественным контекстом своего времени, который допускает сопоставление их произведений независимо от фактов взаимной рецепции.³⁰ Исследования такого плана уже дали и еще обещают самые неожиданные результаты.

* * *

Если всякий воспринятый текст – это текст в переводе на язык другой культуры, то задачей исследователя является обратный перевод этого текста на его исконный язык, на язык той культуры, в условиях которой он был создан. Такая задача всегда и ставилась. Так, в статье 1949 г. «Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия» М. П. Алексеев приводит множество примеров трансформации иноязычных текстов при импорте, а затем задает вопрос о том, так ли уж сильно отличаются от рядовых читателей ученые исследователи: «Всегда ли последние в достаточной мере считаются с весьма могущественной национальной языковой или литературной традицией, искажающей восприятие иноземного литературного произведения? Во всех ли случаях они в состоянии определить качество и характер неизбежных ошибок такого восприятия, поскольку и сами исследователи в своем языковом и литературном сознании в известной мере ограничены в том же самом отношении, т. е. подчиняются этим традициям? Какими, наконец, должны быть пути для ликвидации этих ошибок и мечтающегося нам полного и всестороннего понимания всякого иноязычного литературного памятника, каким бы чуждым и далеким он ни представлялся?».³¹

Ясного ответа на свои вопросы Алексеев не дает, ограничиваясь призывами глубже «вживаться» в строй чужого языка и чужой мысли. Кажется, он все же предполагает, что существует принципиальная возможность адекватно реконструировать язык той культуры, в условиях которой текст был создан; иначе бессмысленно было бы говорить об «ошибках» и «искажениях» в понимании этого текста.

Между тем такая реконструкция едва ли возможна, и мечта Алексеева о полном и всестороннем понимании не должна препятствовать подлинному осмыслению нами границ нашей компетентности – в том смысле, в каком писал об этом Эрвин Панофски: «Специалист отличается от наивного зрителя тем, что осознает свою ситуацию».³²

Ситуация же русского исследователя, пишущего об иностранной литературе, заключается именно в том, что его обратный перевод никогда не может совпасть с оригиналом полностью. Причина несовпадения есть то, что Пьер Бурдьё обозначил как «культурный габитус», связывающий исследователя с его эпохой и национальной средой.³³ Если согласиться с невозможностью «непорочного познания»,³⁴ то единственная возможность, которая остается русскому исследователю, – это сознательно применить к иноязычному материалу тот опыт вос-

³⁰ К такому выводу, приводит, в частности, статья К. М. Азадовского «Райнер Мария Рильке и Александр Блок» (Русская литература. 1991. № 2. С. 144–156).

³¹ Алексеев М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии (Ленинградского университета). Секция филологических наук. Л., 1946. С. 210.

³² Цит. по: Bourdieu P. Zur Soziologie der symbolischen Formen. Frankfurt a/M., 1997. S. 165.

³³ «В терминах генеративной грамматики Н. Хомского габитус может быть определен как система интериоризированных образов, обеспечивающих порождение всех мыслей, восприятий и действий, типичных для данной культуры, – и только их» (Ibid. S. 143).

³⁴ Ibid. S. 167. Ср. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 87–89

приятия, те навыки и аппарат мышления, которые сформировались у него в условиях и под влиянием его родной культуры и неизбежно несут на себе ее отпечаток.

Иностранная, инокультурная германистика³⁵ находит свое оправдание в диалектике двух последовательных движений мысли. Шаг, о котором писал М. П. Алексеев, несомненно необходим. Усвоение языка чужой культуры, знание иностранного историко-литературного контекста, осознание национальной (как и исторической) дистанции и попытка эту дистанцию преодолеть, временное отречение от «своего» во имя непредвзятого понимания «чужого» – все это неременное условие научного исследования. Делая этот шаг, интерпретатор отделяет себя от наивного реципиента, ученый – от «наивного» читателя. Но таков только первый шаг; ограничиваясь им, русский германист соглашается с ролью более или менее способного ученика своих немецких коллег. Вот почему имеет смысл задуматься о возможности второго шага, право на который имеет, разумеется, лишь тот, кто преодолел трудности первого.

Второй шаг – результат продуктивного отчаяния, «фаустовского» разочарования в мудрости всех четырех факультетов. Он начинается с осознания того, что реконтекстуализация не обеспечивает истинного понимания текста, ибо такового не существует, как не существует в тексте и его аутентичного смысла. «Смысл книг, – писал еще в 60-е гг. Жерар Женетт, – находится впереди, а не позади них, он в нас самих; книга – это не готовый смысл, не откровение, которое нам предстоит пережить, это запас форм, ожидающих себе смысла, это неизбежность, близость откровения, которое каждый должен реализовать сам для себя». Цель критики, вторит Женетту Ролан Барт, не в том, чтобы «раскрыть» в исследуемом произведении нечто «скрытое» и «глубинное», а в том, чтобы «приладить – как опытный столяр умелыми руками пригоняет друг к другу две сложных деревянных детали, – язык, данный нам нашей эпохой (экзистенциализм, марксизм, психоанализ), к другому языку, т. е. формальной системе логических ограничений, которую выработал автор в соответствии со своей собственной эпохой. Если в критике и существует доказательность, то зависит она не от способности раскрыть вопрошаемое произведение, а, напротив, от способности как можно полнее покрыть его своим собственным языком».³⁶

Отсюда явствует, что русский германист может избрать два подхода к немецкому материалу: либо симулировать референтную рамку и язык интерпретации немецких исследователей (именно симулировать, поскольку русскому исследователю, несмотря на все усилия, не дано все же до конца преодолеть свой культурный габитус), либо отважиться на вторичный семиотический перевод, на интерпретацию немецкого текста в русской перспективе. Очевидно, что речь может идти при этом об актуализации лишь одного уровня значений из многих, заключенных в иноязычном тексте, – того, который формируется в русской перспективе и которого никто, кроме нас, создать не может.

Если в теории русского сравнительного литературоведения господствовал и господствует идеал адекватного понимания, то на практике он нередко и очень успешно подменялся русской перспективой.

Первый пример здесь – это «История западной литературы XIX века (1800–1910)», вышедшая в 1912 г. под редакцией проф. Ф. Д. Батюшкова, – со статьей Вячеслава Иванова «Гёте на рубеже двух столетий» и главами Ф. А. Брауна о немецком романтизме. Формально эти статьи относятся к области германистики, но по существу перед нами – скрытая компаративистика, изучение немецкой литературы на фоне и в свете русского символизма или, если

³⁵ Наряду с терминами «Auslandsgermanistik» и «interkulturelle Germanistik» уместным и целесообразным представляется в этом смысле и введенный Хор-стом Штейнмецем термин «fremdkulturelle Interpretation». Steinmetz H. Interpretation und fremdkulturelle Interpretation literarischer Werke // Praxis interkultureller Germanistik: Forschung – Bildung – Politik / Hrsg. v. B. Thum u. G. L. Fink. München, 1993. S. 81–98.

³⁶ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова. М., 1989. С. 273.

удовно, неоромантизма. И не потому, что и у Иванова, и у Брауна встречаются пассажи, прямо отсылающие к русским символистам. Такие пассажи – только вершина айсберга, а вся его подводная масса – это целостная концепция собственной национальной культуры, которая придает смысл и направление мыслям о Гёте или немецких романтиках.³⁷

Еще более ясный и широко известный пример того же самого дает первая книга Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914), которая сама стала сразу же после ее появления фактом истории русской литературы; Блок воспринял ее как лично ему адресованное послание, Эйхенбаум писал, что эта книга логически завершила эпоху русского символизма.³⁸ Как и в предыдущем случае, дело не в эпиграфе из Вл. Соловьева и не в последней главе, где Жирмунский давал эксплицитное сравнение романтиков с поэзией конца XIX в. Важно то, что вся концепция мистического реализма немецких романтиков выстроена Жирмунским на русском фундаменте. Неточно было бы утверждать, что Жирмунский обратился к сравнительному литературоведению только начиная с 30-х гг., когда он стал разрабатывать свою марксистскую теорию, или даже с 20-х, когда он написал книгу о Пушкине и Байроне.³⁹ Уже его первая книга – это германистика, основанная на сравнительном методе.

Такова и позднейшая книга Н. Я. Берковского «Романтизм в Германии» (1973), ставшая итогом его многолетних раздумий на эту тему. Посреди размышлений о Шлегелях и Новалисе у Берковского возникает вдруг Тютчев, и становится ясно, что Тютчев, вместе со всей русской культурой, присутствует на страницах этой книги повсюду – и там, где прямо о России ничего не говорится. Поучительно сопоставить «Романтизм в Германии» с написанной Берковским в 1946 г. работой «О мировом значении русской литературы». Своеобразие русской культуры Берковский определяет теми же самыми признаками, которыми он характеризует немецкий романтизм в его отличиях, с одной стороны, от скованности классицистической поэтики, с другой – от мещанской ограниченности буржуазного реализма на Западе. Например, Берковский пишет: «Большие русские писатели никогда не преклонялись перед жизненной формой, перед сложившимся отношением, и это одно из великих преимуществ их манеры видеть и воспроизводить». Это в работе о мировом значении русской литературы.⁴⁰ А вот параллельное место из книги о романтизме: «Шеллинг, описывая тогдашнее состояние умов, говорил, что дух человеческий был раскован, считал себя вправе всему существующему противопоставлять свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, но что возможно. Шеллинг сказал главное, если не главнейшее слово: возможность, а не заступившая уже ее место действительность – вот что важно было для романтиков. Возможность – это свобода, внутрисущая самой природе вещей. О природе, о жизни объекта у Тютчева сказано: В ней есть свобода... Возможности, скрывающиеся за всяким реальным образом реального мира, они-то и служат источником человеческой свободы».⁴¹

Индивидуалистическое самоутверждение личности, по Берковскому, вовсе не основа романтического мирозерцания и поэтики, а свидетельство их кризиса. В основу немецкого романтизма положена у Берковского русская имперсоналистическая концепция человека, включенного в вечный, богочеловеческий процесс, русская вера в бесконечность и божественность человеческой души, укорененной в бытии целого – целого народной жизни и жизни кос-

³⁷ См.: Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987. С. 294.

³⁸ Там же.

³⁹ В статье Н. А. Жирмунской, открывающей подготовленный ею том работ В. М. Жирмунского по сравнительному литературоведению (В. М. Жирмунский – теоретик сравнительного литературоведения // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 5–17), отсутствие указаний на этот факт связано, конечно, с тем, что в советское время книга о мистике не могла быть переиздана по идеологическим соображениям и о ней разумнее было умолчать. То же относится и к статье Е. Г. Эткинда «Путь В. М. Жирмунского – исследователя литературы» (Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1971. Т. 30. Вып. 4. С. 289–297).

⁴⁰ Берковский Н. Я. Указ. соч. С. 134.

⁴¹ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 37–38.

мической. Берковский, несомненно, марксист, но его марксистские убеждения – это вариант русского религиозного мировоззрения, русского онтологизма и русской мечты об органической культуре, в которой личность соборна, потому что причастна целому, «выше себя».⁴²

Русская религиозная философия стоит и за эстетикой словесного творчества М. Бахтина.⁴³ В работе о немецком романе воспитания Бахтин показывает, что Вильгельм Мейстер включен в тотальность мировой жизни, захвачен ее динамикой. «Он уже не внутри эпохи, а в точке перехода от одной к другой. Переход совершается в нем и через него. Он принужден становиться новым, небывалым еще типом человека. Дело идет именно о становлении нового человека...»⁴⁴ Новый человек, о котором идет тут речь, – это тот, кто больше своей изолированной личности, кто есть, по выражению Вл. Соловьева, «индивидуализация всеединства»⁴⁵ и потому соавтор в божественном творчестве бытия. Пользуясь кодом русской религиозной мысли, Бахтин, может быть, лучше других объясняет, почему романтики ставили роман Гёте в один ряд с Французской революцией и с трансцендентальной философией Фихте как важнейший фактор современного развития, – эти явления были связаны для романтиков пафосом духовного преображения личности.

С. Л. Франк любил цитировать строки из стихотворения Гёте «Эпиррема» (1927): «Nichts ist drinnen, nichts ist draußen, / Denn was innen, das ist außen» (Ничего снаружи, ничего внутри, ибо что внутри, то и снаружи). В этих словах Франк находил подтверждение принципиального онтологизма, характеризующего, по мысли философа, «русское мировоззрение», где субъективное сознание не противопоставляет себя предметному миру, а питается непосредственным чувством своей укорененности во всеединстве абсолютного бытия.⁴⁶ Именно на эту русскую теорию познания, представленную далеко не одним Франком, опирается Бахтин, когда в 1962 г. он пишет И. И. Канаеву по поводу его работ о Гёте: «Познающий для Гёте не противостоит познаваемому как чистый субъект объекту, а находится в нем, то есть является соприродною частью познаваемого. Субъект и объект сделаны из одного куска. Познающий, как микрокосм, содержит в себе самом все, что он познает в природе (солнце, планеты, металлы и т. п.; см. „Wanderjahre“). Это отрицание основных гносеологических координат дается у Гёте не в четко сформулированных теоретических положениях, а в форме тенденций мысли...».⁴⁷

Относится ли к компаративистике книга Бахтина о Достоевском? Думаю, что да, хотя вопрос школьной компаративистики – оказал ли влияние на Достоевского Сократ или Менипп? – звучит абсурдно. Ясно, что Менипп, древнегреческий философ III в. до н. э., – это условная точка отсчета в истории развития «серьезно-смеховых жанров», образующих широкий интернациональный контекст, в который романы Достоевского входят вместе со множеством других, в том числе и немецких. В рамках этого обширнейшего карнавального контекста становятся возможными сопоставления Достоевского и с Гриммельсгаузеном, и с Гофманом, и с Гёте, и с Томасом Манном. То же относится и к книге Бахтина о Рабле, в связи с которой С. С. Аверинцев писал: «И вот русский мыслитель Бахтин строит чрезвычайно русскую философию смеха – на размышлениях о Рабле и других явлениях западноевропейской традиции».⁴⁸

Я не буду останавливаться на творчестве А. В. Михайлова. Это еще одна очень большая тема, потому что все его сочинения по немецкой литературе представляют собой главы литературы всеобщей. Кому из западных исследователей, даже знатоков русской литературы, пришлось

⁴² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 357.

⁴³ См.: Тамарченко Н. Д. Эстетика словесного творчества Бахтина и русская религиозная философия. М., 2001.

⁴⁴ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 203.

⁴⁵ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 533.

⁴⁶ Франк С. Л. Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А. А. Ермичев. СПб., 1996. С. 172–173.

⁴⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 396.

⁴⁸ Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М., 1993. С. 343.

бы в голову иллюстрировать значение физиогномики Ла-фатера лермонтовским портретом Печорина? У Михайлова такие пассажи встречаются очень часто, и не в работах по литературным связям, а в тех, которые формально относятся к «чистой» германистике. Я уже говорил, что это – вершина айсберга, свидетельство постоянного присутствия в сознании ученого русского фона и русского кода. Благодаря этому коду связь между означающим и означаемым устанавливается в работах Михайлова таким образом, что знаки немецкой культуры начинают отсылать к русским смыслам, а знаки русской – к немецким.⁴⁹

Виктор Шкловский называл прием остранения еще и приемом «обострения материала». Этот термин применим и к научной прозе, к германистическому дискурсу. Тайна германистики нашей, как и всякой *Auslandsgermanistik*, – это то, что она есть скрытая, имплицитная, неразвернутая и часто безотчетная компаративистика, ибо характер восприятия исследователя на последней глубине детерминирован кодом его национальной культуры. Сделать эту тайну явной, научиться извлекать выводы и выгоды из своей национальной ограниченности, научиться использовать «принципиальные преимущества своей национальной вменяемости»⁵⁰ – такова, на мой взгляд, задача русской германистики на современном ее этапе.

Zusammenfassung

Im Artikel «Der Geheimkode der russischen Germanistik» verfolgt Alexej Zerebin kontinuierliche Entwicklungslinien in der Geschichte der Vergleichenden Literaturwissenschaft Russlands, die im grossangelegten Projekt der historischen Poetik von Alexander Wesselovskij ihren Anfang nimmt und sich im 20. Jahrhundert durch die Arbeiten von Viktor Zirmunskij und seiner Schule als eine selbständige Disziplin etabliert. Es wird gezeigt, daß die Komparatistik sich auf diesem Weg mit der Germanistik vielfach überschneidet – nicht nur, indem sie auf Kontakte und Parallelitäten zwischen russischen und deutschen Autoren und Texten explizit eingeht, sondern auch in dem Sinne, daß die besten, nicht primär komparatistischen Interpretationen der deutschen Texte nicht ohne den Einsatz von russischen Referenz- und Verstehensrahmen auskommen konnten. Immer waren es russische Kontexte, die bestimmte Perspektiven, Standpunkte, Fragestellungen lieferten, von denen aus die Bedeutung der fremdsprachigen Werke konstituiert wurde. Eben darin, im bewußten Einsatz des eigenkulturellen (aus der Sicht des zu interpretierenden Textes – fremdkulturellen) Referenzrahmens sieht der Autor des Artikels die Chance der russischen, wie jeder *Auslandsgermanistik*.

⁴⁹ См., например, статью А. В. Михайлова «Об одной позднепросветительской утопии» (Михайлов А. В. Обратный перевод. М., 2000. С. 211–221), в которой прямо о России не говорится ни слова, но вся перспектива анализа, без сомнения, задана опытом русской культуры.

⁵⁰ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 346.

ДИРК КЕМПЕР (МГУ, Москва) ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖНА НАУЧНАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНИСТИКИ?

Характерная особенность современной немецкой германистики – обращение ее к своей собственной истории. История науки, предполагающая аналитическое самоосмысление науки в ее историческом становлении, представляет собой сегодня – не только в области гуманитарного знания – важнейшую задачу, от решения которой зависит все остальное, в том числе и судьба будущих научных исследований.

Александр Михайлов (1992)⁵¹

Истории науки приходится бороться с предрассудками. Не является ли это непозволительной роскошью – вместо того чтобы заниматься перспективными исследованиями, обращать свой взор назад, чтобы реконструировать историю своей собственной научной дисциплины? Не является ли история научных дисциплин в большей или меньшей степени иррелевантной периферией науки, которую осваивают те из ее представителей, кому не удастся добиться успеха в области актуальных исследований? Научная история германистики до сих пор вынуждена иметь дело с подобными подозрениями.⁵² К тому же в отношении новейшей истории науки – германистики, но также и других дисциплин – укоренилось ложное мнение, будто бы она сводится к идеологической, а в конечном счете политически окрашенной полемике против определенных аспектов своей собственной истории, которые ни в коей мере не находятся в центре ее интересов и должны бы больше интересовать специалистов по новейшей истории Германии.

Давление таких же и подобных им предрассудков и ложных представлений ведет к тому, что и германистика России не спешит приступить к научному осмыслению своей собственной истории. Задача нижеследующих размышлений – противодействовать этому воздержанию.

История науки представляет собой в настоящее время методологически фундированную дисциплину, необходимый компонент любого научного знания, оказывающий исключительно плодотворное влияние на развитие актуальных исследований во всех, но особенно в гуманитарных областях.⁵³ Во всяком случае она менее всего сводится к критической переоценке и публичному осуждению фактов биографии и профессиональной карьеры отдельных личностей на фоне смены социально-политических систем – пусть даже эта задача и сохраняет свою актуальность в отдельных случаях.

Нижеследующий доклад представляет собой попытку обоснования необходимости истории германистики и тех возможностей, которые она открывает. Первая часть доклада содержит теоретические размышления общего характера, аргументы в пользу исторического самоосмысления и самоописания любой научной дисциплины; во второй части дается краткий очерк немецкой истории германистики и ее достижений.

⁵¹ Опубликовано в 1995 г.: Michailow 1995, S. 184 f.

⁵² Ср. Boden 2003, S. 14: «Кто ничего не понимает в литературе, занимается историей литературоведения». Ср. также: Steinfeld Th.: Neues von der Germanistik. Fremdes Licht // Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 9. Sept. 1998; Ср. также: Steinfeld 1997.

⁵³ См. об этом: Krohn 2003, S. 1773.

I

Постоянная рефлексия по поводу своего мышления и творчества является неотъемлемым признаком любой научной деятельности. Этот принцип самонаблюдения и авторефлексии служит не только осознанию собственного образа действий, но и дает возможность его контролировать и корректировать.

Авторефлексия необходима по отношению ко всем конститутивным элементам любой науки, т. е. по отношению к а) ее предмету, б) ее аксиомам и методам и с) ее интересам и целям. В качестве четвертой области следует назвать d) самонаблюдение самой научной системы. Поясним эти требования на примере литературоведческой германистики.

Ad a): Представления о том, что должно быть предметом литературоведческой германистики, претерпели значительные исторические изменения и уже по этой причине нуждаются в осмыслении. В период формирования немецкого литературоведения как науки о литературе Нового времени тесная внутренняя связь этой науки с концепцией «классической немецкой литературы»,⁵⁴ представленной в первую очередь именами Гёте и Шиллера,⁵⁵ была изначально ориентирована на узкое понятие литературы, в которое включалась лишь «беллетристика» и «изящная литература». Тексты, составлявшие предмет литературной науки, должны были отвечать эстетическим критериям «литературности» и «поэтичности», что предполагало имплицитно аксиологический подход и способствовало образованию канона так называемой высокой литературы. Как известно, пересмотр этого понятия литературы начался в западногерманском литературоведении в 60-е гг. XX в. Результатом его стало значительное расширение предмета литературной науки за счет включения в него текстов, относящихся к сфере бытовой культуры и социально-политического дискурса. В настоящее время перед литературоведением, развивающимся под знаком обращения к широкому культурному контексту (Kulturwissenschaft),⁵⁶ стоит задача заново определить свой предмет и либо выйти за рамки понятия «текст», включив в сферу изучения целые семиотические системы культурно-исторических формаций, либо соответствующим образом пересмотреть само понятие текста. Во всяком случае область литературоведческих исследований является сегодня не только предметом дискуссии, но и самостоятельным предметом изучения, которому посвящаются специальные работы.⁵⁷

Ad b): Методологическая рефлексия имеет в рамках литературоведческой германистики наиболее прочную традицию. Разнообразные герменевтические подходы, а также методы в текстологии и многих других областях литературоведческого исследования уже в XIX в. были предметом плодотворных дискуссий, подготовивших почву для их самоосмысления. Правда, в течение длительного времени этой рефлексии недоставало критической остроты и глубины, ибо нечасто случалось, чтобы при обсуждении той или иной методологии ставились под сомне-

⁵⁴ Ср. Voßkamp 1993; Kruckis 1994.

⁵⁵ Ср. Nutz 1994; Grave 1994.

⁵⁶ Следует подчеркнуть, что немецкое понятие Kulturwissenschaft ни в коей мере не тождественно русскому «культурология». Речь идет об ориентации на культурный контекст. Дело в том, что культура – вслед за русской семиотикой – понимается сегодня как комплексная семиотическая система, объединяющая явления определенной культуры или ее слагаемых, среди которых литература представляет собой один из кодов, но не единственный код. Отсюда следует, что явления литературы должны изучаться не изолированно, но в ансамбле со всеми явлениями культурной системы. Тем самым литературоведческое поле исследований становится значительно шире. Предмет литературоведения этим отнюдь не «размывается». Оно остается наукой о литературе, но контекст изучения литературы заметно расширяется. Так, «Вертер» Гёте может изучаться в его отношении к стилистике «Бури и натиска» и сентиментализма; но при ориентации на культурно-исторический контекст он выступает еще и как свидетельство глубокой эволюции в культурном сознании общества и индивида, вызвавшей к жизни современную концепцию личности, а в связи с этим и современное, специфическое, связанное с эпохой модерна понимание юношеского чувства. См.: Kemper 2004.

⁵⁷ Ср. Rosenberg 1990; 2000; 2003; Weimar 2000.

ние ее фундаментальные аксиомы. Вследствие этого недостатка еще и в XX в. появляются методы, претендующие на абсолютную истинность и неоспоримое значение, причем эта претензия наиболее радикальна в тех случаях, когда научный метод расценивался как элемент всеобъемлющей идеологической концепции.

Между тем в науках гуманитарного цикла, как, впрочем, и во всем опирающемся на опыт естествознания, метод ни при каких условиях не может быть «истинным» или «неистинным», но всегда обладает конкретным эвристическим значением. Метод по существу не подлежит оценке по шкале «истинно/ложно»; критерием оценки метода всегда должна служить его продуктивность, его способность обеспечивать получение запланированных результатов литературоведческого труда. Продуктивность или непродуктивность метода – вот единственная разумная дихотомия в отношении методологии.

Именно отсюда проистекает западная (с русской точки зрения) концепция плюрализма методов, менее всего представляющая собою беспринципный эклектизм. Многообразие познавательных целеус-тановок (историко-социальная, историко-ментальная, структуральная, эстетическая и проч..) влечет за собой применение различных методов, которые могут быть в зависимости от цели познания продуктивными или непродуктивными. Иными словами, метод имеет значение и функцию инструмента. И так же, как в любом ремесле мастер должен владеть всеми инструментами, которые лежат у него в рабочем ящике, так и литературовед должен уметь пользоваться разными инструментами, целым их ансамблем.

Ad c): Интересы и цели познания имеют место не только на уровне метода, но и на уровне всей науки в целом или отдельных дисциплин, ее составляющих. Немецкая система школьного образования сложилась в 80—90-е гг. XVIII в., когда в Пруссии возникли и получили обоснование различные типы школ (гимназия, реальное училище и т. д.). Важнейшим критерием типологизации являлась последовательность изучения языков. Едва ли не до середины XX в. в гимназиях в качестве первого по порядку иностранного языка изучался древнегреческий, а второго – латынь; наряду с этим центральная роль отводилась преподаванию немецкого. Основанием для столь высокого статуса и преимущественного изучения немецкого языка и литературы, латыни и греческого служила концепция их общезначимой образовательной функции, которую разработал, в том числе в аспекте философии языка, Вильгельм фон Гумбольдт, реформатор немецкого школьного образования. Прусская гимназия должна была не готовить к какой-либо определенной профессии, но способствовать общему формированию личности учащихся (Гумбольдт писал о «благороднейшей цели – наивысшей, наипропорциональнейшей форме образования»⁵⁸ и после этого выдавать человеку аттестат зрелости (введенный незадолго до 1800 г.). На этой основе и были затем определены цели филологического образования германистов; главной задачей была подготовка учителей, способных выполнять высокую миссию воспитания личности. Вот почему социальный престиж гимназического профессора в Германии до настоящего времени выше, чем в других европейских странах. Радикальная смена парадигмы происходит лишь в 60—70-е гг. XX в. Эпоха национал-социализма и консервативная политика Федеративной республики настолько скомпрометировали идею гуманистического воспитания, что реформаторы, не только на левом фланге политического спектра, видели свою задачу в том, чтобы заменить его преподаванием политически ориентированных социальных дисциплин.⁵⁹

К числу достижений истории науки следует отнести анализ развития отдельных отраслей германистики с точки зрения эволюции их познавательных целей. Таковы выдающиеся работы Юргена Формана и Вильгельма Фоскампа по литературной историографии XIX в. с истори-

⁵⁸ Humboldt W. von: *Über das Studium des Altertums, und des Griechischen insbesondere* // Humboldt 1963. Bd 2. S. 7.

⁵⁹ Ср.: Vietta, Kemper 2000.

чески обусловленной задачей служить национальному самосознанию немецкого народа и способствовать формированию национального государства.⁶⁰

Ad d): К числу непозволительно запущенных областей авторефлексии относится самонаблюдение системы германистических дисциплин над своим собственным развитием, а также анализ роли этих отдельных дисциплин в рамках системы наук в целом. Приведем лишь два примера. Германисты публикуют результаты своих исследований на определенном языке, на языке науки, предполагающем особую стилистику и характер оформления мысли, наиболее отвечающие задачам науки. Но кто обучил германистов этого языку? Стилю научной прозы не обучают сегодня ни в университетах Германии, ни, насколько я знаю, в университетах России. И тем не менее мы все этим языком в большей или меньшей степени владеем. На вопрос, откуда у нас эти знания, ответить довольно просто: мы научились этому путем подражания, не задумываясь над тем, как мы это делаем. Здесь нет ничего индивидуального, скорее нечто типическое. Так же и другие языковые коды – например, обусловленные социально, регионально, функционально, требованием той или иной общественной роли, – и правила построения дискурсов усваиваются путем имитации. Однако ученому надлежит сделать язык своей специальности объектом наблюдения и рефлексии, ибо этот язык детерминирует как содержание знаний, так и возможности и границы их передачи. Наилучшим способом осознать эту проблематику является историческая рефлексия по поводу всего этого комплекса взаимоотношений как части истории науки – и первые работы такого плана уже имеются.⁶¹

Подобным же образом обстоит дело и в случае со вторым нашим примером – стратегией и тактикой построения научной карьеры в германистике, того, что обозначается в англо-американской традиции выражением *publish or die*. Те, кто принимает участие в этой конференции русских германистов, уже доказали, как правило, насколько они владеют такой стратегией и тактикой. Построение карьеры только на первый взгляд кажется моментом, внутренне не связанным с содержанием германистики как науки. В действительности этим во многом определяется содержательное наполнение исследований – факт, на который применительно к русской германистике ясно указывает Александр Михайлов.⁶² С этой точки зрения только историко-научное осмысление указанных взаимосвязей позволяет дать обоснованную оценку существующих ныне научно-исследовательских структур и на первый взгляд «классических» литературоведческих школ и результатов их деятельности.

Уже эти, почти произвольно выбранные примеры показывают, насколько сложна общая система правил и законов дискурса, определяющих работу германиста, и насколько разнообразны метадискурсы (например, метадискурс восприятия науки в отражающей мнение общества публицистике), на эту работу влияющие.

История науки – мои краткие размышления были призваны это хотя бы наметить, – область, намного более сложная и запутанная, чем это представляется ее скептически настроенным критикам. Она отнюдь не исчерпывается историей великих открытий, «великих людей» или историей школ и методов. В нее должны быть включены многие отвечающие современным требованиям области, разработка которых предстоит и русским германистам: история возникновения институтов и германистических учреждений, история формирования габитуса германиста и профессиональной специализации германистического образования, история социальных функций германистики и обретения ею своего места в ряду других наук. Все эти вопросы актуальны в настоящее время, но современникам и участникам происходящих в германистике процессов анализировать их намного труднее, чем тем, кто увидит их в исторической

⁶⁰ Ср.: Fohrmann, Voßkamp 1987; 1991; 1994.

⁶¹ Ср.: Weimar 1993. – Далее Lammert 1993, S. 20.

⁶² Michailow 1995; см. последний абзац данной статьи.

ретроспективе, которая одна способна предоставить необходимые критерии для сознательной оценки нашей современности.

II

Каково значение истории науки для сегодняшней германистики, призван показать ниже следующий краткий обзор этой частной дисциплины в Германии. Автор отдает себе отчет в том, насколько этот обзор предварителен и далек от полной истории германистических исследований, в которой наша наука испытывает настоятельную потребность; пока же нам приходится ограничиться отдельными замечаниями по поводу отдельных этапов ее становления.

Начальная стадия осмысления

История германистики, сложившаяся как самостоятельная научная дисциплина лишь в 60-е гг. XX в., была подготовлена рядом предшествующих исследований. Таковы прежде всего вышедшая в рамках серии «История немецкой научной мысли» книга Рудольфа фон Раумера «История германской филологии, по преимуществу в Германии» (1870), «История германской филологии» (1891) Германа Пауля, незавершенная «История немецкой науки о литературе до конца XVIII столетия» (1920) Зигмунда фон Лемпицкого и, наконец, «История германской филологии» (1957) Йозефа Дюннингера.⁶³

Особого внимания заслуживает работа Лемпицкого, не только в силу блестящей эрудиции этого ученого, но и потому, что она во многом предопределила подход к описанию истории науки.⁶⁴ Лемпицкий задается вопросом о том, почему многовековые занятия немецкой литературой привели в какой-то момент к формированию отдельной научной дисциплины, т. е. ставит вопрос о причинах формирования в рамках германской филологии самостоятельной науки о немецкой литературе. Уже такая постановка вопроса – интерес к происхождению науки или, говоря современным языком, к условиям ее дифференциации – существенным образом отличает подход Лемпицкого от предшествующей традиции *history of science*, сложившейся в естествознании и в медицине. Расцвет этой традиции в XIX в. был связан с появлением большого числа научно-популярных сочинений, сводившихся к описанию истории великих научных открытий и судеб героев науки, ученых, совершивших такие открытия в области медицины, химии и т. п. Исходя из современного уровня научных знаний, авторы подобных сочинений конструировали соответствующую им предысторию, призванную подтвердить концепцию линейного прогрессивного развития. Лемпицкий от этой тенденции сознательно отказывается, намеренно акцентируя тот факт, что любая историография – в том числе и его собственная – находится в неизбежной зависимости от концепции истории, господствующей в данном обществе.

Модель историографии, предложенная Лемпицким, включает четыре фазы развития. «Ростки» немецкой литературной науки появляются, по его мнению, в Средневековье, крепнут и развиваются в ренессансной филологии эпохи гуманизма и Реформации; «предпосылки» же ее складываются в литературоведении XVIII в. до Гердера включительно. Третий этап – «основоположение» в культуре романтизма и четвертый – «разработка» в обобщающих трудах Георга Готфрида Гервинуса и Вильгельма Шерера—Лемпицкий рассматривал во втором томе своего исследования, рукопись которого, почти законченная, пропала в годы войны после того, как автор ее, профессор Варшавского университета, был расстрелян в 1943 г. в концентрационном лагере Освенцим. Работая над вторым томом, Лемпицкий сознательно довел свое исследование лишь до конца XIX в.; филологию своего времени он из рассмотрения исключил.

⁶³ Полное заглавие в списке литературы.

⁶⁴ Ср. Weimar 1989, S. 9: «Название этой книги – дань уважения Зигмунду Лемпицкому».

В плане концептуализации материала Лемпицкий очерчивает четыре круга вопросов.⁶⁵ Во-первых, он прослеживает историю литературной науки по линии дифференциации от а) полигисторства и б) истории всеобщей литературы к с) истории национальной литературы и d) истории поэзии до е) истории жанров. При этом он в качестве одного из приемов описания уже включает историю понятий. Во-вторых, он тематизирует положение науки о литературе в комплексе «наук о духе» (Geisteswissenschaften) и ее отношение к науке вообще. Особенно выразительно показывает он процесс внедрения в гуманитарную сферу естественнонаучного «натурализма», который «науки о духе» пытаются адаптировать в форме аналогий.

«Тремя последовательными ударами внедряется этот методологический натурализм в науки о духе, оставляя свои следы и в области естествознания. Сначала в форме механистических аналогий, характерных для XVII столетия, когда, с одной стороны, пытались объяснять сущность исторических явлений исходя из климатических условий (Дюбо, Монтескье, Тамплъ, Уоттон, Бодмер, Гердер), а с другой, рассматривали психическую жизнь по законам механики (картезианская теория аффектов). Затем Шефтсбери, Гёте, Гердер и романтики применяют к изучению литературных произведений аналогию динамико-органическую. Наконец, следует аналогия биолого-эволюционистская, овладевающая сознанием ученых в эпоху позитивизма, когда она определяет, например, концепции Тэна, Шерера, а с другой стороны – жанровую теорию Брюнетьера».⁶⁶

В качестве третьего круга проблем выступает у Лемпицкого комплекс отношений между литературой / литератором и литературной наукой / ученым-литературоведом, с акцентом на так называемой коренной эпохе (Sattelzeit) 1750–1850 гг.,⁶⁷ когда связь эта была особенно тесной, что подтверждается многочисленными примерами двойной специализации с обеих сторон (Гёте, Вакенродер, Тик, Фр. Шлегель, Авг. Вильг. Шлегель, Brentano, Арним и др.). Наконец, в-четвертых, Лемпицкий намечает практический принцип организации материала, обосновывая его в полемике с Гердером.

Мюнхенский конгресс германистов 1966 г. – расчет с национал-социализмом

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что конгресс германистов, состоявшийся в 1966 г. в Мюнхене, явился знаменательной вехой в истории германистики и важным импульсом для дальнейшего ее развития. Карл Отто Конради, один из инициаторов историко-научного анализа эпохи национал-социализма на мюнхенской конференции, позднее вспоминал: «„Союз немецкой высшей школы“, в том числе входившее в его состав „Объединение немецких германистов-преподавателей высшей школы“, т. е. репрезентативная организация германистов и преподавателей ФРГ пошла (вынуждена была пойти) на проведение публичного форума, участники которого дали критическую и самокритичную оценку исторического развития своей дисциплины, не сумевшей пережить эпоху национал-социализма без значительных потерь и, как подчеркивали наиболее радикальные критики, не сумевшей закономерно, в силу ярко выраженных тенденций, наметившихся уже в XIX в. После мюнхенской конференции 1966 г. критический анализ исторического пути немецкой германистики с ее взглядами на язык и литературу перестал быть делом одиночек и был поставлен на повестку дня для широкого обсуждения, которое, пусть некоторыми только на словах, было признано неизбежным и необходимым. Закономерным следствием этого стало развенчание германистики как галереи предков с нимбом над головами, по которой полагалось проходить, почти-тельно раскланиваясь во все стороны. Конечно, нашлось немало людей, которые хотели бы (и хотят до сих пор) сохранить этот обычай, чтобы поддержать уверенность в своих действиях и в

⁶⁵ Ср. введение в кн. Lempicki 1968, особенно S. 4–13.

⁶⁶ Ibid., S. 6.

⁶⁷ Понятие Sattelzeit получило в последние годы чрезвычайно широкое распространение не только в литературоведении, но и в других гуманитарных науках. См. об этом: Kosellek 1972, S. XIII–XV). В связи с этим об эпохе модерна в литературоведении см.: Kemper, 2003.

надежде, что когда-нибудь и они сами будут причислены к лику святых и сподобятся такого же почитания. Но по существу попытка избавиться от иллюзий и трезво подвести итог исторического развития своей науки означала для германистов постановку вопроса о смысле собственной деятельности, об условиях дальнейшего существования германистики как науки, тесно связанной с судьбой всего общества».⁶⁸

В этой статье Конради подробно рассказывает о трудностях, сопровождавших подготовку Мюнхенского конгресса, и из его воспоминаний следует, что академическая германистика обратилась к критическому самоанализу под давлением общественного мнения, ее вынудили к этому, с одной стороны, журналисты, с другой – младшее поколение ученых, поколение учеников.

На самом Мюнхенском конгрессе принципиальное значение имели прежде всего доклады Эберхарда Леммерта («Германистика – немецкая наука»⁶⁹) и Карла Отто Конради («Немецкое литературоведение и Третий Рейх»⁷⁰). По мысли Леммерта, западногерманская германистика в лице ее ведущих представителей (Вольфганг Штаммлер) продолжала ориентироваться на тот же когнитивный идеал, который был выдвинут в эпоху национал-социализма (Хенниг Бринкман⁷¹), а именно стремилась быть «наукой о духовной жизни немецкой нации».⁷² Развивая этот тезис, Леммерт подверг критическому анализу восходящую к Гердеру и Шиллеру литературоведческую аксиому, согласно которой «в основе германской культуры лежит некая неизменная духовная сущность, и немецкий язык есть единственный адекватный орган, способный ее выразить».⁷³ Он убедительно показывает, как на основе этого убеждения менялась политическая и идеологическая функция германистики: если около 1848 г. она еще служила утверждению идеи либерализма, то после 1871 и еще отчетливее после 1918 г. ее идеологическим заданием стало оправдание «тоталитарного национального государства» как абсолютного воплощения германского духа.⁷⁴ Вывод Леммерта гласит: «Уже с давних пор, но в нашем столетии особенно решительно, а в конце концов и неистово настаивала германистика на своем предназначении быть „немецкой наукой на службе немецкого народа“; ⁷⁵ следствием такой самооценки явилась тенденция рассматривать германистику как научное мировоззрение, унаследовавшее функцию теологии и философии. Предпосылкой этого служило возвышенное понимание поэзии как органа абсолютной истины, способного возвещать ее непосредственно, подобно религиозному откровению».⁷⁶

В результате своих размышлений Леммерт приходит к требованию «вернуть» германистику на путь «непритязательной специальной дисциплины, объединяющей в себе лингвистику, историю литературы и литературную эстетику»,⁷⁷ и, освободив ее от этико-религиозного балласта, от роли «немецкой сверхнауки», придать ей—также и в области изучения истории языка – характер современной отрасли научного знания, включенной в ансамбль соседних филологических наук.

Взгляды Леммерта и Конради, высказанные ими на конгрессе 1966 г., оказали значительное влияние на дальнейший ход дискуссии. Они не только дали импульс осмыслению судеб германистики в эпоху национал-социализма, но и показали, что такое осмысление, коль скоро

⁶⁸ Conrady 1988, S. 126–127.

⁶⁹ Lammert 1967; Lammert 1966.

⁷⁰ Conrady 1967.

⁷¹ Brinkmann 1934, S. 28.

⁷² Stammeler 1962, S.V.

⁷³ Lammert 1967, S. 16.

⁷⁴ Lammert 1967, S. 22. Цит. по: Vietor 1933, S. 343.

⁷⁵ Vietor 1933, S. 343.

⁷⁶ Lammert 1967, S. 29.

⁷⁷ Lammert 1967, S. 34.

оно не хочет ограничиваться разоблачением персональных ошибок и прегрешений, возможно лишь в широком контексте истории науки.

В 1972 г. был организован «Центр по изучению истории германистики» при Немецком литературном архиве в Марбахе, в 1988 г. сформировалась «Марбахская группа по изучению истории германистики». Они провели ряд конференций и симпозиумов на тему национал-социалистического прошлого в области германистики, важнейшим из которых стал симпозиум 1993 г. Его результаты нашли отражение в сборнике материалов «Смена веx. Литературоведческая германистика до и после 1945 г.», подготовленном Вильфридом Барнером и Кристофом Кёнигом. По мнению организаторов, это было «первое крупномасштабное обсуждение данной проблемы».⁷⁸

За четверть века, прошедшую после Мюнхенского конгресса, исторические условия, в которых проходило это обсуждение, претерпели значительные изменения. Прежний полемический запал остыл, и это открыло возможность более объективного научного подхода. Поскольку к этому времени большая часть старых профессоров уже вышла на пенсию, с истории науки снято было подозрение в том, что она «занимается не научным исследованием, а сведением личных счетов».⁷⁹ Если в 1966 году муссировался лозунг «отцеубийства» – в актуальном для 60-х гг. смысле борьбы поколений, – то в 1993 г. речь об этом уже не шла. Сам Эберхард Леммерт признал теперь, что поднявшаяся в 60-е гг. «волна идеологической критики, в то время неизбежная и необходимая,⁸⁰ задерживала развитие систематических научных исследований в области истории науки».⁸¹ На смену идеологической критике приходит «научная точность и трезвая деловитость», «по сравнению с 60-ми и даже с 70-ми гг. исследования в области истории науки получили столь широкое распространение и обрели столь отчетливые организационные формы, что и этот труднодоступный предмет изучается теперь на основе специальных знаний и методического опыта».⁸² Там, где раньше преобладала персональная критика, зарождается новая концепция самоописания науки,⁸³ которая развивается с учетом выдвинутой Вильгельмом Фоскампом проблемы противоречия между политико-идеологическим переломом 1945 г. и непрерывностью развития научной мысли на личностном и институциональном уровнях. Соответствующий дифференцированный подход характеризует и работы, посвященные анализу истории германистических учреждений и журналов, историко-литературной и эдиционной методологии, эволюции литературного канона или автобиографической рефлексии ученых-литературоведов.

Как показывают Хольгер Дайнат и Лутц Даннеберг, издатели сборника «Литературоведение и национал-социализм» (2003), история германистики прошла путь «от идеологической критики к полипер-спективизму» (к таким темам, как история организаций, институтов, форм познания, деятельности и достижений ученых-германистов).⁸⁴ Младшее поколение исследователей обнаруживает наибольший интерес к «неброскому пространству между крайностями, к едва заметным переходным явлениям и сдвигам, в силу которых обычные профессора могли становиться опорой преступного режима, а затем парламентской демократии или же диктатуры другого типа. Интерес исследователей смещается тем самым от утверждений общего характера к эмпирическому анализу литературоведческих структур и механизмов

⁷⁸ Barner, König 1996a, S. 10.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Cp. Greß 1971; Reiß 1973; Müller, Jorg Jochen 1974.

⁸¹ Lammert 1993, S.10. Cp. Lammert 1974, S. 665 f.

⁸² Barner, König 1996a, S. 11.

⁸³ О том, что персональная критика литературоведов, компрометировавших себя связями с нацизмом, не утратила, тем не менее, своего значения, свидетельствует работа: Gaul-Ferenschild 1993.

⁸⁴ Dainat, Danneberg 2003. Цит. по: Dainat 2003, S.7.

выбора решений».⁸⁵ Следует отметить, что особенностью этого издания является включение в сферу анализа иностранной германистики (две статьи посвящены французской германистике эпохи национал-социализма) и расширение проблемы прерывности / непрерывности благодаря привлечению темы «нацистский режим и ГДР».

Несмотря на тенденцию к объективному исследованию взаимоотношения германистики и национал-социализма, эта тема все еще продолжает оставаться в центре общественного внимания и публицистического дискурса, о чем свидетельствует оживленная дискуссия по поводу членства в национал-социалистической партии ведущих представителей послевоенной германистики, прошедшая в средствах массовой информации в 2003 г., после выхода в свет «Международного словаря германистов, 1800–1950».⁸⁶ Причиной дискуссии явился тот факт, что, как выяснилось, ряд известных представителей западногерманской германистики, выступавших в послевоенные годы как поборники ее обновления, состояли в годы фашизма в национал-социалистической партии.⁸⁷

Самостоятельную линию в изучении истории германистики в эпоху национал-социализма разрабатывает тюбингенский лингвист Герт Симон, организатор «Тюбингенского общества по междисциплинарным исследованиям» (немецкая аббревиатура GIFT).⁸⁸ По утверждению Симона, в распоряжении его группы находится «около 5 миллионов рукописей из более чем 70 архивов» и «никто другой не располагает таким количеством неопубликованных архивных материалов по теме „Языковедение в Третьем Рейхе“».⁸⁹ Поскольку исследования группы Симона с ее лингвистической ориентацией, в частности серия «Словари Третьего Рейха», представляют особый интерес для русских германистов, ниже мы приводим названия вышедших до настоящего времени изданий, подготовленных этой группой:⁹⁰

– Lerchenmuller J., Simon G. u. a. Im Vorfeld des Massenmordes. Germanistik und Nachbarfächer im 2. Weltkrieg: Eine Übersicht. 3. Aufl. Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1997.

– Simon G. Germanistik in den Planspielen des Sicherheitsdienstes der SS. 1. Teil. Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998.

– Simon G. Die hochfliegenden Pläne eines «nichtamtlichen Kulturministers». Erich Gerlachs «Sachwörterbuch der Germanenkunde». (= Wörterbücher im 3. Reich; 1). Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998.

– Simon G. Blut- und Boden-Dialektologie. Eine NS-Linguistin zwischen Wissenschaft und Politik. (= Wörterbücher im 3. Reich; 2). Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998.

– Simon G. «Art, Auslese, Ausmerze...» Ein bisher unbekanntes Wörterbuch-Unternehmen aus dem SS-Hauptamt im Kontext der Weltanschauungslexika des 3. Reiches. (= Wörterbücher im 3. Reich; 7). 2. Aufl. Tübingen, 2002.

Более подробную информацию о работе группы Симона можно почерпнуть из материалов дискуссии между Фолькером Михелем и Гертом Симоном.⁹¹

Основание Марбахского научного центра (1972) – амбициозные планы и их крушение

⁸⁵ Dainat 2003, S. 8.

⁸⁶ Цит. по: König 2003.

⁸⁷ Ср. резюме дискуссии на эту тему в Fachdienst Germanistik 22, 2004, S. 1–7.

⁸⁸ См.: [http://www.uni-tuebingen.de/Deutsches Seminar/alt/GIFT-homepage/programm.html](http://www.uni-tuebingen.de/Deutsches_Seminar/alt/GIFT-homepage/programm.html).

⁸⁹ Simon 1998b, S. 4.

⁹⁰ На интернет-странице издательства (<http://homepages.uni-tuebingen.de/gerd.simon/publishing.pdf>, дата последнего контроля 30.05.2004) анонсировано далее: Simon G.: Mit Akribie und Bluff ins Zentrum der Macht. Walther Wust und das «Ethy-mologische und vergleichende Wörterbuch des Altindoeuropäischen» (= Wörterbücher im 3. Reich; 3). Tübingen, 2005.

⁹¹ Michel 2000.

Карл Отто Конради указывает в своих воспоминаниях о подготовке Мюнхенского конгресса 1966 г. на кружок единомышленников Герберта Зингера, который уже в начале 1965 г. выступил с требованием «создать научную группу для критического изучения истории германистики и пограничных с ней наук».⁹² Вероятно, это и послужило первым толчком к созданию «Центра по изучению истории германистики» при Немецком литературном архиве в Марбахе. Центр был организован в 1972 г. по инициативе «Немецкого союза германистов» прежде всего благодаря Эберхарду Леммерту (председателю «Союза германистов Высшей школы») и Вальтеру Мюллер-Зейделю («Немецкое шиллеровское общество»)⁹³. Открытие состоялось 14 апреля; от работы центра ожидали очень многого.

Процесс исторического самоосмысления научной дисциплины, считал Леммерт, будет способствовать выяснению того, «почему занятия германской филологией не были до сих пор подчинены единому плану и почему в будущем необходимо более продуманное их планирование».⁹⁴ Предпосылку такого планирования он видел в «создании истории науки на современном ее этапе»,⁹⁵ под которой подразумевал систематическую работу по библиографическому и реферативному описанию новейших и текущих германистических исследований. Такое «документальное описание текущего научного процесса в форме кратких тезисов» должно было, по мысли ученого, представлять собой «историю науки *sui generis*, которая со своей стороны даст возможность на основе анализа проделанной работы и отбора актуальной тематики планировать дальнейшее развитие; так германистика научится предопределять дальнейший ход своей истории».⁹⁶

Но этим большим надеждам не дано было осуществиться. На один из возможных просчетов прозорливо указал при создании центра – правда, лишь для того, чтобы предвосхитить возражения противников, – Вальтер Мюллер-Зейдель: «Следует задуматься о том, что мы предполагаем стимулировать научные исследования путем их организации, тогда как логика требует обратного: чтобы сначала появились сами исследования, а только затем формы их организации».⁹⁷ Поскольку центр работал вне рамок университета и к тому же под руководством архивариуса—Бернгарда Целлера,⁹⁸ – ему не удалось дать импульс развитию научных исследований, каковую задачу нынешний руководитель центра Кристоф Кёниг считает принципиально невыполнимой.⁹⁹ Фактически центр работал как специализированный отдел Немецкого литературного архива, «призванный сконцентрировать свои усилия на некоторых задачах, уже и ранее входивших в функции архива».¹⁰⁰ Говоря конкретно, он заслужил уважение тем, что занимался приобретением и обработкой личных архивов крупных германистов и заложил прочную источниковедческую основу – не в последнюю очередь благодаря «каторжному труду»¹⁰¹ Бернгарда Целлера—для историко-научных исследований, в первую очередь о XX в.¹⁰²

Научно-исследовательские программы Немецкого научного общества (DFG) после 1985 г. – изучение истории германистики XVIII–XIX вв.

⁹² Ср. Conrady 1988, S. 139; ср.: Там же, S. 140–141.

⁹³ Ср. официальную интернет-страницу Центра: <http://www.dla-marbach.de/ein-richt/hssa/magg.html>. Об истории Центра см. также: Lammert 1974; Muller-Seidel 1973; 1974; Zeller 1974; Konig 1988; Lammert 1993.

⁹⁴ Lammert 1974, S. 667.

⁹⁵ Ibid., S. 669.

⁹⁶ Ibid., S. 670.

⁹⁷ Muller-Seidel 1974, S. 654.

⁹⁸ О программе работы Целлера, с самого начала реалистической и нацеленной на практический результат, см.: Zeller 1974.

⁹⁹ Konig 1988, S. 377–383.

¹⁰⁰ Muller-Seidel 1974, S. 654.

¹⁰¹ Lammert 1993, S. 10.

¹⁰² Konig 1988, S. 383–405.

Подлинный прорыв в области современной, методологически ориентированной истории германистической науки был осуществлен лишь в середине 80-х гг., причем благодаря инициативе самих ученых. Заметным событием, обозначившим начало нового этапа самоосмысления, явилось издание Вольфгангом Хаубрихсом и Герхардтом Заудером книги «История филологической науки» (1984). Подводя итог предшествующим опытам создания истории германистики, авторы тома трезво отмечают: «Сколь бы интенсивной ни была дискуссия по поводу модели самоописания науки, историю филологических специальностей она едва затронула».¹⁰³ Соображения Куна, Лакатоса и Тулмина¹⁰⁴ не получили, по мнению Хаубрихса и Заудера, резонанса или были восприняты очень поверхностно. Также и бурные споры 60—70-х гг. представляются им лишь «пустоцветом»; Марбахский центр не дал, с их точки зрения, «никакого решительного толчка».¹⁰⁵ Собственная концепция авторов «Истории филологических наук» выдвигает на первый план три элемента: во-первых, высокий уровень методологической рефлексии, предполагающей непрерывную переоценку соотношения исторического и актуального в науке; во-вторых, расширение историко-научного контекста посредством систематического учета развития в языкознании и в родственных дисциплинах, особенно в романистике; в-третьих, повышение точности исследований, опора на исторические источники, что уже само по себе будет способствовать качественному скачку в изучении истории науки.¹⁰⁶

Большое значение имела начавшаяся в 1985 г. работа над научно-исследовательским проектом «История немецкого литературоведения», организованным по инициативе Немецкого научного общества (DFG). В системе научно-исследовательских учреждений Германии это общество является не только третьим по значению спонсором, но и претендует на роль «центрального органа самоуправления науки».¹⁰⁷ Это означает, что по крайней мере для внешнего наблюдателя всякий новый предмет исследования, новая концепция или методика получают общественное признание, так сказать, «узакониваются» и включаются в научный «канон» лишь после того, как они находят поддержку со стороны DFG. Именно так было в середине 80-х гг. санкционировано и изучение истории германистики.

На этот раз большие ожидания оправдались благодаря деятельности научно-исследовательских групп, возглавляемых Вильгельмом Фоскампом и Юргеном Форманом. Темой монографии Юргена Формана «Проект истории немецкой литературы. Зарождение и кризис историко-литературного подхода к национальной поэзии в период между эпохой гуманизма и формированием Германской империи» является концепция истории, легшая в основу историко-литературных сочинений XIX в. С того момента, показывает Форман, как исторический процесс начинает мыслиться в виде связного нарративного текста, подчиненного рациональной закономерности (например, история как процесс совершенствования человеческого рода у Лессинга), история национальной литературы неизбежно должна была приобрести значение науки, служащей интересам современности, говоря конкретно, доминирующей со времени Освободительных войн социально-политической тенденции к созданию единого национального государства. «История немецкой литературы как история самоутверждения национальной идентичности»¹⁰⁸

¹⁰³ Haubrichs, Sauder 1984, S. 7.

¹⁰⁴ Ср.: Kuhn 1976; 1977; Lakatos 1974; Toulmin 1974.

¹⁰⁵ Haubrichs, Sauder 1984, S. 7, 9.

¹⁰⁶ Размышления над концепцией историко-научных исследований см. также в Sauder 1982.

¹⁰⁷ Официальная интернет-страница Общества: <http://www.dfg.de/>.

¹⁰⁸ Fohrmann 1989, S. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.